– Женька, повесь мою ножку на яблоню, пусть как следует проветрится! – отец, сидя на низенькой скамеечке, кряхтя, отстегнул башмак с вырастающей из него деревянно-кожаной голенью и кочергой, что вымешивают жар в летней печке, двиганул протез на скатёрку майского луга.

Женька светится. Ей пятнадцать лет. С радостью и интересом, который свойствен только юным хозяйкам, она шурует большой жёлтой из сухой сосны выструганной ложкой в чугуне (там зреет шурпа – папка пригласил в честь 9 Мая приятелей-фронтовиков) и тонкими пальцами (нет, это не от них подмигивают Ивану Максимовичу солнечные зайчики – их пускает сталистая полоска ножа!) кружевами снимает с литых картофелин параграфы шелухи.

Отец, только что любовавшийся стригущими (ни дать ни взять – ласточка!) движениями милых-милых рук, вынужден отвлечь Женьку: готовка готовкой, однако и бате минуту внимания можно, в конце-то концов, уделить!

Быстренько вытерев ладошки о передник, дочь взяла ходячую историю, как называет отец свой протез, и потащила его к дереву. Узкая спина её напряглась, стала точёной, отчего бёдрышки вдруг выпукло обозначились под весёлой весенней юбкой.

- Тяжёлый?
- Тяжёлый, хмурясь, ответила Женька, приспосабливая пахучее от сыромятных ремней деревянное изделие к нижнему, самому толстому суку развесистой яблони, вскипающей иссиня молочной пеной.
- Шесть килограмм. Иван Максимович аккуратно, по окружности, подогнул брючину, и куцая левая нога, устроенная на лавке, как на лафете, коротким пушечным дулом уставилась в сад. Два десятка тонких прутиков, посаженных осенью, разбежались по усадьбе, однако откровенной весенней силой радовала только старуха-яблоня: со скамейки, что была метрах в семнадцати от дерева, её крона казалась непробиваемым шаром, а с дальнего края улицы фрегатом, летящим под полным парусом в хрустальную синеву околицы (так думала Женька); терем, укрытый белым облаком, виделся отцу. Впрочем...
- Одуван, вылитый одуван! однажды воскликнул, прежде чем подняться на крыльцо, Иван Максимович. И потом, возвращаясь с работы, всякий раз он задирал голову и независимо от поганости настроения и объёма усталости произносил:
  - Одуван!

Женька не поняла, что это за сорт яблок-яблонь – «одуван», а потом звонко-звонко, так, что брови чуть к макушке не убежали, рассмеялась: «Одуванчик! Одуванчик, но только очень-очень большой. Одуван!»

Яблоня чудом уцелела в морозную зиму страшного первого года войны. Немцы, в лёгкую вырубившие весь сад на дрова, столь могучее дерево, видимо, отложили «на потом», но, скорей всего, пожалели варвары свои тесаки, боясь выщербить их о казавшийся дубовым, угрожающе

ным яблочком, Иван тихо взбеленился. Ведь он, вернувшись с фронта, первым делом посадил сад. Тогда, прыгая на одной ноге вокруг Женьки, держащей прутик, отец ссовывал в ямку землю протезом и приговаривал: – Вырастет быстро, есть за кем тянуться, на кого равняться! – имея в виду устоявшую в войну яблоню. Саженцы взялись, однако зима сорок седьмого года жестоко обделила снегом деревню Шурубы, зато морозы насылала такие, что голая земля на огородах покрылась трещинами, в

седой от инея кряжеватый ствол яблони. Однако война всё-таки ужалила красавицу – она перестала дарить чудо-плоды. Сначала говорили: «Не яблочный год», но, когда семь лет подряд дерево не разродилось ни еди-

которых запросто скрывался штык лопаты, и прутики вымерзли. Повзрослевшая Женька вновь держала прутики – и вновь вокруг неё, стараясь быть обстоятельным и ловким, передвигался батя, присыпая

вымоченные в коровяке корни растеньиц рыхлой с розовыми энергичными червяками землёй.

– Без яблок народ оставили, отродье поганое! – материл немцев Иван.

Со второго захода прутики прижились, и по лету зелёные их листочки уже шелестели так же, как и листья взрослых деревьев. Но урожая яблок от них надо было ждать и ждать! И вот тогда Максимыч вынужден был взять в оборот довоенную сластёну.

- Пол-огорода высасывает, а проку никакого! говорил он, хлебая холодник. Женька протёрла через решето ошпаренный кипятком первый весенний щавель, добавив в раствор горсть творога и стакан сливок. Бате кушанье очень нравилось, однако он продолжал брюзжать: - Яловка! Я-лов-ка! Ты вот так кислицу по бугоркам бегаешь - собираешь, а можно было всё на грядах посеять. Так нет - всю землю этой царице отдаём. Ждём. А она ни в какую! Одна радость, что цветёт красиво.
  - Пап, добавки? - Нет, голубушка, спасибо. Вот тебе деньги, купи-ка в сельпо кило-

«Одуван», - улыбнувшись, подумала Женька и спросила:

- грамм семь песку.
  - Папа, у нас сахара на два месяца запас... А соли на год!

  - Беги, пока я правильно думаю, а то будешь пуд покупать.
- Женька взяла чистую наволочку, которую часто использовали как

тару под крупы или муку, и понеслась в магазин. Иван Максимович достал из комода бинты, вату, коробку пластилина, а из шкафчика - бутылку «Московской», налил стаканюгу и, перекрестившись на икону Николая Чудотворца, со словами «Помоги, Господи!»

вылил водку в широкий рот. Женьку отец, через плечо которого висела полевая сумка, встретил в

сенцах и развернул в сад. – А песок?

- Песок бери с собой... Где лестница?
- Под стрехой, с той стороны, ты там её оставил, когда берёзу подкручивал.

Максимыч сходил за лестничкой, прислонил её к яблоне. И снова направился за угол хаты.

- Пап, ты скоро? Мне уроки делать надо!
- Уроки? Да мы сейчас с тобой такой урок, урок ботаники, сварганим, что сам Мичурин с того света явится опыт перенимать. И «пятёрку» поставит. Тебе. А мне – «пятёрку» с плюсом!

Вторым рейсом батя притащил полведра берёзовика. Женька наблюдала за ним. Старик что-то затеял.

Ещё одним предметом, который был положен к подножию лестницы, оказалась воронка: ею чаще всего пользовались в сенокосную пору,

когда наливали в фляжку находящийся в чулане сдобренный жареным

ячменём берёзовый квас, холоднющий даже в июле. – Ну что, дочушка, готова поработать Мичуриным?

Женька поняла, что ей придётся карабкаться по лестнице. Встав босой ногой на первую перекладину, девушка спохватилась:

- Пап, наволочку забери. Мешает же!
- Заберу. Когда она пустой станет.
- У Женьки опять брови полезли к макушке.
- Что, до сих пор не догадалась? А ещё отличница! Ладно, так и быть:
   твоя задача очень, ну очень-очень аккуратно засыпать песок в дупло.

Только теперь поняла Женька, что задумал батя. Летом громадная дыра в стволе яблони из-за густой зелени была не видна, зато чёрно-белой зимой зраком выхваченного из печки чугунка взирала она на исходящую дымами деревню и всякий раз напрягала девочку, когда та, придя из школы, вынуждена была оглядываться с крыльца: чугунковый взгляд яблони упирался прямо в дверь коридора, которую отпирала Женька, и во взгляде том соединяли свою фиолетовую гипнозно-голодную суть и филин, и сова, и удав, и, наверное, даже кобра, хотя Женька её ни разу и в кино не видела. Сейчас, когда разгулялась весна и рядом находился батя, её охранитель и выдумщик, Женька страха не ощущала, наоборот, ей стало ясно, что страху осталось жить минут десять, ну – пятнадцать, и всё – и зимой ей никто не будет спину до мурашек сверлить!

Уложились в двадцать минут. Женька, не просыпав мимо и щепотки, заправила дупло сахаром, через воронку вылила в шипящую дыру сок и запломбировала её пластилином. Иван Максимович, вытягиваясь и становясь почти колодезным журавлём, протянул дочке бинт.

- Пап, тут и пластилина достаточно...
- Дочушь, рана, она и есть рана, хоть на вояке, хоть на деревяке, и должна быть забинтована.

Женьке санитарить понравилось – и она, чтобы ровным слоем тугой марли закрыть все-все заусенцы и шрамы страдалицы-яблоньки, даже попросила второй, похрустывающий упаковкой фунтик. Поскрипывая внизу протезом, Иван Максимович, любовался гибкостью и ловкостью Евгении, и вдруг Женька (Женька!) испуганно ойкнула. Кровь! Обо чтото острое, когда взялась по-быстрому завязывать на узелок бинт с обратной стороны ствола, она расшарахала ладошку! Чтобы остановить струйку, Женька прижала пораненную ручонку к запелёнутой кукле дупла.

- Быстрей слезай, у меня ещё один бинт есть! отец сильно-сильно заскрипел деревяшкой.
  - Пап, там железяка какая-то торчит. Её, наверное, вырвать надо...
  - Железяка-железяка... Осколок это. От немецкой бомбы.
  - Он... он как бритва!
- Не-а, трогать не будем. Он намертво врос. А вырвем дыра будет, может, это тебе не дупло и не залечить! Ты же сама знаешь, что у меня под левой лопаткой шрапнелька сидит, а хирурги её не трогают, боятся, что мне амбец будет.

Пока Женька осторожно спускалась вниз, держа ладошку на отлёте, Иван Максимович смотрел на забинтованную шею яблони, на алое пятно, оставшееся на её белой махровости, на палевую любопытную ворону, умостившуюся на крыше соседнего дома, на громадные карие глаза дочери и почему-то грустно кивал и кивал головой...

- дочери и почему-то грустно кивах и кивах головои... – Пап, ты что? Мне ни грамма не больно! Не волнуйся. Сейчас пере-
- вяжем и всё, смотри, кровь уже подсыхает...

 А знаешь ли ты, что мне тоже, когда ногу оторвало, сначала тоже было не больно... Пойдём-ка в хату!

В комнате Иван Максимович начал с «Московской». Смочив водкой клочок ваты, он обработал разваленную надвое мякотку и взялся за бинт.

- Папочка, я сама! Женька, чмокнув отца в гранатовую от танкового ожога правую щёку, своими порхающими руками одна помогала другой моментально обрядила ладошку в белую рукавицу.
- Видишь, ничегошно, даже красовито получилось. Единственное, водкой воняет!
  - Воняет?

- Ещё как!
- Иван Максимович хмыкнул.
- Запах ей не нравится... А инфекция?
- Пап, так за что пьёшь, за дезинфекцию?
- Нет, дочушка, за нашу Советскую Родину!

Обнявшись, они простояли минуты две. В широкой груди отца гулко стукало сердце, рубаха пахла яблоневым цветом.

– Шрап-нелька! Шрап-нелька! Шрап-нелька! – в висках у Женьки рыбкой билось это слово, и она очнулась только тогда, когда вновь увидела в руках бати хрупкую «рюмку»: под стебелёк подснежника чайной ложкой он подливал колодезную воду, черпая её из своей любимой алюминиевой кружки, всегда стоявшей на отцовском краю стола.

***

...Было это три года назад. В первое после «мичуринской» прививки лето яблоня, увы, ничем не порадовала, и Иван Максимович ходил до самой осени с тяжеленным лицом, зато через зиму расцвела так буйно и бело-пламенно, как не цвела никогда – и к Спасу почти вся лужайка у дома Кириенковых, дразнящая взгляд сочным зелёным колером, представляла собой громадный бильярдный стол, на котором было не счесть пропитанных мёдом многих-многих десятков жёлтых шаров. А ещё через год яблоки стали главным украшением длинного-длинного свадебного стола, за которым кричали «Горько!» Женьке и её избраннику, корреспонденту районной газеты Алексею Царёву. Царёв ушёл на фронт семнадцатилетним пареньком: сразу после выпускного вступил в комсомольский истребительный батальон, потом попал в миномётное училище, командовал батареей, а заканчивал войну уже сотрудником «дивизионки»: в 43-м, сразу после форсирования великой славянской реки, он рискнул отправить в редакцию стихотворение «Днепр позади – Берлин впереди», – его опубликовали, а вскоре за Царёвым приехал инструктор политотдела дивизии с приказом генерала на руках о переводе комбата-миномётчика в военкоры газеты «Суворовский натиск».

Демобилизовавшись, капитан Царёв стал осваивать гражданскую журналистику. Просиживая в редакционном домике с восьми утра до восьми вечера, а часто и позже, правя неловкие заметки селькоров и чеканя свои абзацы (теперь уже о трудовых подвигах фронтовиков, возрождающих израненные смоленские деревни), Царёв выпивал с десяток стаканов круто, по-офицерски, заваренного чая и верил, твёрдо верил, что благодаря его неутомимости мышца газетной строки становится для земляков всё более выпуклой и вдохновляющей. К тому же вечером, когда никто не отвлекал, у Алексея начиналось святое время – он писал стихи. Но лирика не шла – его всё ещё душила тема фронта: мины, штыки, автоматы, призывы «За Родину! За Сталина!» появлялись чуть ли не в каждой строфе, а бывшему комбату хотелось лугов, черёмухи, косынки, нежного взгляда и дерзких переборов баяна. «Неужели я так ожесточился в окопах?» – в очередной раз спрашивал себя Царёв, швыряя в мусорную корзинку смятый в комок исчёрканный лист, в котором «Огненные трассы вонзались в брюхо «мессершмита»...

Женька принесла в редакцию рассказ о том, какое чудо случилось с их яблоней, и Алексей пригласил девушку на заседание «Колоса», литобъединения, которое он организовал при газете. Цвет литературной молодёжи Речистого собирался в редакции по субботам, потом поэты и поэтессы шли в ДК на танцы, а Алексей и Евгения оставались в накуренном и ещё горячем от творческих споров редакторском кабинете. Веселиться в Доме культуры у них не получалось – неподалёку от танцверанды в сквере покоилось братское кладбище, где вместе с воинами, погибшими при освобождении посёлка, были захоронены и останки их матерей и младших сестрёнок: гитлеровцы, отступая, согнали в колхозную конюшню детей, женщин и стариков, подпёрли ворота оглоблями, плеснули бензина на углы и под стрехи – ударило в небо пламя с печаль-

радугу-то лучше не толпой созерцать! Какое же это созерцание! Другое дело, если рядом она, Муза, которая ловит каждое твоё слово... Максимыч одобрил выбор Женьки, но поставил условие – за родимый порог он дочь не отпустит: «Пока ты в доме – я жить хочу, и буду жить. Так что веди капитана к нам. Наш он, фронтовик, мы друг друга поймём. Я вам мешать не буду». А не споишь ли ты мне, папа, Лёшу? - Сто грамм наркомовских... Что от них молодому мужику станет! - Так! - в голосе дочери Максимыч вдруг услышал звеняще жестяную интонацию Нины, Женькиной матери. Жена брала эту ноту всегда, когда хотела, и на то у неё были основания – согнуть его в бараний рог. – Наркомовские пей один, а с Лёшей – только на День Победы, 23 февраля и в день рождения!

ными каёмками копоти на концах безжалостных оранжевых языков. Восьмилетнюю Женьку свалил тиф, и неделей раньше её на саночках увезла выхаживать в другую деревню бабушка Сима, мать отца... Второй причиной непосещения ДК стали стихи, которые Алексей не хотел, да и не мог читать на литобъединении. Лирика, подспудно копившаяся, вдруг заиграла радугой, снявшей, наконец, с души фронтовой нагар. А

- А ещё пятого августа, когда Сталин Лизюкову Героя Советского Со-

– Хорошо. 5 августа – святое. Я тоже чокнусь с вами.

Не было бы 5 августа 41-го, не случилось бы и исторического 9 Мая 45-го! День пятого августа для Ивана Максимовича был таким же пьяным, горьким и счастливым, как и 9 Мая. В сорок первом году сержант Кириенков в качестве механика-водителя танка служил в подчинении полковника Лизюкова, коменданта Соловьёвой переправы на Днепре, между Чардымовом и Дорогобужем. Потом фронтовая судьба определит танкиста Кириенкова сдерживать немецкую армаду на Волоколамском шоссе, обожжёт под Сталинградом, поставит на острие прорыва огненного копья во время Ленинградской блокады, а под Кёнигсбергом, когда они по ходу атаки будут натягивать порванную гусеницу, осколок отрубит ему полноги, – но обо всём этом Максимыч и через десять, и через двадцать пять лет будет говорить: «Семечки! Чепуха! Так страшно и так кроваво, как было на Соловьёвой переправе, не было нигде! Кто прошёл через неё, тот всю войну мстил немцу за нашу кровь, за побитых и утоп-

ших на этой Соловьёвой переправе».

Святителем Николаем, поднимал памятную стопку, слышала: – Переправа! Соловьёва переправа! Ад и слава – переправа! Ад – кромешный, а слава – горькая-горькая! Позврослев, она пробовала что-то найти в книгах про этот тяжкий крест, что образовывали в разные века в годину испытаний, пересекаясь, великая славянская река Днепр, водный путь, и сухопутный тракт - Старая Смоленская дорога. Да куда там - сорок первый год! Отступление, миллионные потери. О битве под Москвой, когда немцев отбросили, написано много и патриотично, о Ельне – там гвардия родилась, - немного, но есть, а о Соловьёвой переправе - нигде и ничего! Да, события на Соловьёвой переправе опишут в литературе Константин Симонов, Иван Стаднюк, Борис Васильев, коснутся их в

Женька много раз – и когда угощала батиных друзей-инвалидов за праздничным столом под яблоней, и когда отец, в одиночку, стоя перед

своих мемуарах военачальники, но это будет уже в 60-70 годы... Только, когда приехал из Гомеля в Речистое племянник полковника Лизюкова молодой доцент Иван Афанасьев, сумевший тактично, системно и обстоятельно расспросить отца о том, что творилось на переправе в июле-августе сорок первого, Женька, слышавшая весь разговор, влюблённая в газетных и книжных Зою Космодемьянскую, Александра Матросова и молодогвардейцев, поняла, сколько же их на самом деле таких героев, а о них ничего никто не знает. И не узнает, скорей всего. Как хорошо, что есть папка! Как хорошо, что он выжил! Как хорошо, что Афанасьев расспросил его о Лизюкове. Александр Ильич – герой,

спасший тысячи жизней! И батя – герой! Был ведь огонь, была кипящая вода, летевшие со свистом бомбы – а они мосты строили и защищали тех, кто по этим мостам шёл: раненые, женщины с детьми и – главное – части трёх армий, части, которые, переправившись через Днепр, будут драться под Ярцевом, Вязьмой, Сычёвкой, Ржевом, Можайском, Волоколамском, Тулой, измотают врага и отстоят столицу.

Отец рассказывал Афанасьеву:

- На переправе – киш-миш. Но это с виду, со страху. На самом деле там был порядок, который держал железной рукой Александр Ильич. Переправа работала день и ночь. Когда он спал, я не знаю. Ночью дремлю в танке, а он пошёл в деревенскую церквушку (там что-то вроде штаба) операции по защите переправы разрабатывать, с разведчиками и сапёрами встречаться. Только понтоны наведём – немец их разлупит. Так что придумал Лизюков сделать подводный мост! Машины ЗИС-5 загнали в Днепр, рамами друг к другу прижали, кабины сбили – путь с берега на берег есть, а с воздуха лётчики его не видят! Утром немцы прилетели, а бомбить нечего! Лизюков народ рассредоточил вокруг деревни, по кустам и рощицам, заставлял в других местах реки на всяких корытах и плотах плыть к правому берегу, чтоб от главной живой нитки самолёты увести. Немцы пройдутся вдоль Днепра, из пулемётов врежут, водичку вскипятят, а бомбить по-крупному им нечего!

водичку вскипятят, а бомбить по-крупному им нечего!

Лизюкову, конечно, один прыткий особист хотел приписать вредительство, однако Александр Ильич успел его к нам в танк пригласить. Они без меня там разговаривали, но полковник семнадцать месяцев в одиночке в Ленинградской тюрьме НКВД отсидел, Сталин его за год до войны вернул в армию – и Лизюкову после этого какие-то особисты уже были по хрену! Но потом он с нами поездил несколько часиков, чтоб понять, как Родину любить. Самолёты за танком тоже пробовали гоняться, но только я резко тормозить и виражи закладывать ещё до фронта научился на танкодроме. Школа Лизюкова, он ведь мог машину заставить «яблочко» вприсядку танцевать. И меня к себе взял, потому что я у него тоже коечто успел перенять. А особист, конечно, шишек, когда я тормозил, набил!

Кто думает, что переправа – это дорога, мост и орава лезущих «скорей-скорей на тот берег» людей, то это не переправа, а бардак. Лизюков до Соловьёва десять дней руководил переправой на Березине под Могилёвом – и на Днепре уже он распоряжался, отбирая для организации дела нужных ему командиров с боевым опытом, зная повадки немцев, расписание бомбёжек, умея разговаривать с паникёрами. Александр Ильич с первых дней комендантства заставил всех, кто мог держать лопату, рыть окопы и щели в деревне и на обоих берегах Днепра. Зенитки маскировать, на штыри надевать колёса от телег, а на колёса ставить пулемёты, чтобы по самолётам лупить. Так что переправа не огрызалась, а себя защищала! Да, народу с каждым днём добавлялось, и Лизюков этот поток разбивал на ручейки – в восемнадцати местах переходы были! Ясное дело, основные в Соловьёве и Ратчине, однако и в других точках войска переправляли.

С Лизюковым прибыл с Березины и его сын Юра. Шестнадцать лет, а танк водил, почти как я! Юру Лизюков использовал больше как вестового. Парень лёгкий на ногу, отцовские приказы быстрей радио куда надо доставлял. Когда Лизюкову дали в распоряжение «катюши», Юрка батарейцам позиции показывал. Я у него спрашиваю: «Ну, что, эта згорода на машине лучше танкового дула?» А он мне: «Танку – танковое, ракете – ракетное». Но видно было, что понравилось ему этими стрелами-букетами пулять, хотел к их комбату перейти служить, но Александр Ильич пообещал ему танковое училище. Юрка поехал потом в Саратов, это уже в августе, из-под Ярцева, уже когда нам с ним по медали «За отвагу» досталось, а Лизюкова командиром первой Московской дивизии назначили. Третьего и четвёртого были последние дни переправы, из-под Смоленска все части двадцатой армии перешли у нас на другой берег, а пятого августа Рокоссовский сообщил Лизюкову, что товарищ

рекомендацию в члены ВКП(б) дал! Лизюков мог бы переправу и ещё подержать, но тогда бы мы попали в окружение. А так ещё на Вопи, обороняя Ярцево, Александр Ильич контрнаступление организовал, чтоб отвлечь немцев из-под Ельни и помочь Жукову взять город. Дивизия за Ярцево получила орден Красного Знамени. Нас потом на переформирование под Можайск отвели. Я ещё тогда был о двух ногах и думал, как это из соловьёвского пекла я без единой царапины выбрался! А вот Лу-

Сталин звание Героя ему присвоил. А мне Александр Ильич 5 августа

Евгения, как и отцовскую ногу, так и протез левой руки дяди Пети Лукашова тоже подвешивала на яблоню. Случалось это чаще всего на пике застолья, когда уже пропели «Майскими короткими ночами» и «Землянку» и вот-вот должны были грянуть «Варяга» или «Артиллеристы, Сталин дал приказ!». Лукаш делал знак Женьке (он всегда сидел крайним) - подойди, мол, срочно, дочка, выдвигал в её сторону левое плечо, расстегивал пиджак и что-то там ещё под рубашкой - и нате вам, девушка, двусуставную канделябру! После этого Лукаш порывисто вставал и командовал: «Артиллеристы!»

Среди искалеченных, могущих сидеть за столом, и безногих, которым Женя на травку стелила домотканые половики, не было ни одного артиллериста, сам Лукаш – из сапёров, однако эту песню любили и пели так, что при словах «За слёзы наших матерей», «За нашу Родину – Огонь! Огонь!» с яблони хлопьями начинали слетать лепестки! Конечно, пару поддавал Лукаш – он дирижировал правой. Пётр Егорович Лукашов тоже знал Лизюкова: на параллельной пере-

праве в Ратчине, в пяти километрах от Соловьёвой, полковник расставил сапёров с топорами по плавучему мосту вдоль матиц, длинных досок, которые вязали брёвна по краям от берега до берега. Такой мост не очень-то разбомбишь, брёвна как намыленные, и немецкие лётчики стремились класть пулемётные строчки, чтоб распороть доски вдоль. Нет доски – нет связки, нет связки – концы брёвен свободно болтаются – и нет переправы! Для самолёта главное – разбить матицы, а сапёры, стоящие по краям, - дело уже вроде как второе, однако свинцовые струи сшибали ребят прямо в Днепр: не удалось немцу раскурочить звено-связку – получи, руссише швайн, остаток боеприпаса! Кто уцелел – нашивает новые доски, кого унесла река - тому вечная память, кого ранило - тому повезло. Лукашу, выходит, повезло...

Ильича Егоренкова. Его привозит из Бердяева на майскую сходку жена, Анна Ивановна. Она работает в сельсовете секретарём исполкома, и на двоих с председателем им положен конь. Анна усаживает Степана на подводу, поправляет на голове кепку, чтобы козырёк прикрывал от злого весеннего солнца незрячие глаза мужа, отдаёт ему в руки вожжи, а жеребчику командует: - Голубь, в Речистое! Голубь знает все дороги и названия деревень: если бы мог говорить - сдал бы экзамен по местной географии! А вожжи в руках у Степана - для ощущения власти: мужик

Дирижёр он отменный, но лучший голос, очень душевный, у Степана

должен править, считает Анна.

кашу там руку отхряпало.

У Степана тоже нет ноги.

- Но руки-то есть? Есть. Ухи есть? Есть. Нога, хоть и одна, есть? Есть. Я у тебя, самое главное, есть? Есть! - Анна целует мужа в щёку, вытирает уголком косынки выкатившуюся бусину слезы. – Поехали!
  - ... Лукаш наливает стаканчик Степану Ильичу и говорит:
  - «Тёмную ночь», пожалуйста.
  - Ты мне налил?

  - Налил.
  - А Нюре?
  - Извиняюсь, сейчас-сейчас...

Каждую весну Лукаш забывает наполнить рюмку Анне Ивановне – и всякий раз Степан Ильич не торопится опрокинуть стопку, а проверяет, оказано ли законное внимание супруге.

Егоренков встаёт, и, пока он поёт, Женя наблюдает за Анной Ивановной. Чем взрослее Женя становится, тем больше ей нравится эта женщина. Может потому, что на маму похожа? Да. А ещё потому, что ухаживает за Степаном Ильичом не по обязанности. Вот все эту песню любят, слушают внимательно. А внимательней и правдивей всех – тётя Нюра. Бернеса так не слушают!

Женька вспомнила, как в позапрошлом году застолье почти накрыла гроза.

....

Из-за плотной марли одувана прозевали тучу – и громыхнуло! Мужиков – девять душ, у всех протезы развешаны на яблоне, вот-вот ливень со стола всю закуску смоет, и будет не праздник, а потоп, а они: «Люблю грозу в начале мая... Наливай-ка по седьмой!»

– Слушай мою команду! – Анна Ивановна гаркнула так, что фронтовики протрезвели. – Мокрые вы нам не нужны! Эй, двуногие, обнимите одноногих и марш в дом. Однорукие, если закусывать собираетесь, берите миски с винегретом. Протезы пусть висят, они не простудятся! После дождя как новые будут! Женя, поднимаем Кузнеца...

Дядя Толя Кузнецов свою фамилию оправдывал абсолютно – работал кузнецом. И это при том, что обе ноги за ним уже не числились! Сейчас он, угнездившись на половике, играл с леворуким – правую руку «откусил» ему под Вязьмой Гудериан – пастухом Левшуновым «в ножички».

– Левшунов, тебе уже винегрета не осталось нести, за холодец отвечаешь! Бегом! Толя, одну руку закинь Жене на левое плечо, другую – мне на правое. Ona!

Мы подняли кузнеца и понесли. Дядя Толя, собираясь на застолье, надел новый костюм в полоску, и папа, который придерживал дверь в сенцы, чтобы она не захлопнулась, крикнул с крыльца:

 Девки, вам где такой гарный пиджак обломился? Не уроните, а то вымажете!

Кузнец-пиджак, вися на наших плечах, подал голос:

– У меня руки свободные, какую-нибудь тарелку дайте!

Конечно, в доме такого приволья, как под яблоней, не было, однако и тесноты тоже. Мы с Анной Ивановной всё успели перетащить: и остатки еды, и табуретки, и дорожки. С протезами связываться не стали – и так грохота хватает. Папа помог нам мой письменный стол к обеденному придвинуть, из печки достали второй чугунок тушёной картошки. Тётя Нюра всех бойцов устроила, рассадила, разложила и сказала:

 – Ну вот, теперь можно за стол – и по седьмой! – и распахнула створки окна. Живой воздух мая снова был с нами.

У нас на свадьбе Егоренковы дуэтом спели «Спят курганы тёмные», и жених мой признался:

- Если бы тебя не было, я бы за Анной Ивановной приударил!

Большинство из отцовских друзей на свадьбу не пришли – навыдумывали каждый кучу уважительных причин и предлогов, а на самом деле постеснялись, дескать, за столом будут все молодые и красивые, а мы – войной меченые-калеченые. Степан Ильич и Анна Ивановна тоже пробовали отказаться, а я взяла и у их дочки (её тоже Женькой зовут) спросила:

- Хочешь ко мне на свадьбу?
- Хочу.
- Приглашаю. И папу-маму приводи.

Дядя Стёпа Женьку больше всех на свете любит, а тётя Нюра и сама хотела мне «Горько!» крикнуть, – вот и сидели они рядом с моим папой, как самые близкие люди. А поэтессы с нашего литобъединения на Лёшу глядели и песню орали: «Зачем ты в наш колхоз приехал, зачем нарушил мой покой?»

С Алексеем мы потом всех, кого приглашали и кто постеснялся, обошли по дворам. Во-первых, фронтовики, во-вторых, хотела, чтоб они мой выбор оценили, а, в-третьих, они меня чаще дочкой, чем Женькой на-

зывали, а как дочка должна поступить? Муж мой всем понравился, но они его чуть стеснялись – корреспондент! Единственный, кто бойко вёл разговор – дядя Саша Сухарев. Он командовал ротой в Донской дивизии, которая рядом с лизюковцами тоже обороняла Ярцево. В дивизию приезжали писатели Фадеев, Шолохов, Петров, Симонов, и комдив Кириллов привозил писателей на передний край именно в роту Сухарева. Понятное дело, дядя Саша вспоминал при случае, что Константин Михайлович Симонов не просто с ним общался, а, узнав, что Сухарев прошёл через бои под Могилёвом, где сам уже 26 июня начал воевать, подарил ему фляжку с водкой. Фляжка спасёт дяде Саше жизнь: под Сталинградом он, набрав воды из ручья, впадающего в Волгу, сделал глоток – и вдруг сильный толчок в грудь, а фляжка – в сторону. Пуля снайпера пробила сосуд, но только с одной стороны.

- Выпьем за здоровье Константина Михайловича, а? тут дядя Саша достал фляжку, а с боку дырочка.
  - Та самая?
  - Та самая! ответил Алексею Сухарев.

И они взялись переливать в эту алюминиевую посудину содержимое бутылки, которую мы принесли, а потом, как мальчишки, ловили стаканами струйку и чокались.

- Я газету твою читаю. Сев, картошка, лён, доярки всё это хорошо, а про фронтовиков мало. Мало!
- Александр Иванович, пашут сеют строят это же всё фронтовики делают!
- Конечно, а кто за нас делать будет! Я сам пищекомбинат в райпотребсоюзе строю. И конфеты там будем делать, и колбасу, и лимонад. Сейчас бы вот Женечке лимонада бы в самый раз налить, а мы ей водяру капаем!
  - Берёзовик есть, дядя Саша?
- О, хорошо, что напомнила. Полная кадушка. Подай, пожалуйста, кринку.

В буфете на нижней полке стояли графин и два горлачика. Я вытащила графин.

- Однако культурная. Ну, уважь ты меня, дочка, дай всё ж таки кринку.
   И дядя Саша раскачивающейся походкой двинулся в холодную кладовку за квасом. Лёша, глядя ему вслед, сказал:
- Для такого мужика двести граммов не выпивка. А его вон как колышет. Давай-ка будем собираться, пусть дядька отдохнёт!
- Его всегда покачивает у него ж обеих ног нет! Врачи гангрену проморгали...

Сухарев притащил горлач:

- После водки самый нужный напиток. Ква-сок! Не просто квас, а квас плюс сок, получается ква-сок! Молоко на третьем месте... Угощайся, Женечка! Так я опять про газету фронтовиков не обижайте. У тебя три ордена ты там в редакции наш щит, а не эти приезжие щелкопёры. Да, война всем надоела но нет правды о войне! Симонова, Твардовского, Исаковского мало. Мало! Ты обо мне не пиши о нас Борис Полевой написал. Хорошая, ха-а-ррошая книга «Повесть о настоящем человеке», согласен?
  - Согласен.
- Ты о тесте своём, Иване Максимовиче, напиши. Чтоб судьба была видна! Наша судьба... Ты Жене глаза не строй уже построил. Ты про её батю напиши. Она сама не попросит, а я прошу. Напишешь фляжка

Лёшка по дороге обратно мне говорил:

– Я тоже фронт прошёл, мне тоже чуть руку миномёт не оторвал, но батя и его кореша – они совсем другие люди! Другие. Они те, на ком русская жизнь держится!

Я его поцеловала.

На десятилетие Победы в сад Кириенковых собрались не все. Зимой прямо в кузне лопнуло сердце у дяди Толи. Но какую память оставил! Сразу после Нового года он начал делать всем друзьям подковы, чтобы 23 февраля на счастье подарить. Успел, только вот сам до 23-его не дожил. На поминках сын Кузнецова, Виктор, раздавал подковки. Елена Ивановна, вдова, при всей кувалдовой тяжести горя, напомнила сыну: «Кириенковым – две штуки: Ивану Максимовичу, само собой, и Жене с Алексеем». Не приехали в сад Егоренковы: 1 мая Анна родила Степану Ильичу сына Кольку, и, понятное дело, тема для разговора о-го-го какая появилась, тем более их Женька, третьеклассница, уже в пионерском галстуке (только что приняли!) от родителей открытку принесла с поздравлениями всему застолью.

- Лукаш, где твой картуз?
- А вон, на сучке висит.

Иван Максимович, не успевший на этот раз отстегнуть протез, зашагал к яблоне.

– Мог бы голову и побольше иметь, а, Лукаш? – оценивая нутро и размер картуза, ехидничал Кириенков. – Так, на приданое имеющему неделю отроду, будущему защитнику Отечества, Николаю Степановичу Егоренкову, по червонцу сбросимся?

И шапка полетела по кругу.

Алексей достал из портфеля плитку шоколада «Золотой ярлык». Евгения кивнула:

- Женечке? Отдавай, отдавай поскорей!

Царёвы тоже ждали прибавления, и Алексей каждый день старался чем-то побаловать жену. Вот ребята из областной газеты ему с оказией недавно даже мандаринов прислали: в Смоленске на рынке всё есть!

Звенел в небе жаворонок, и Алексею захотелось, чтобы песенка зазвучала погромче. Больно высоко птах забрался, спустись пониже, птица!

- Тебя! Евгения прикоснулась к мужу локотком и кивнула в сторону торца стола.
- Товарищ капитан, разрешите обратиться? Сухарев, представитель сообщества фронтовиков, выживших после Соловьёвой и других переправ!

Алексей встал.

– Я тут ребятам 23 февраля проговорился, что тебя, как литературного работника, об одном дельце просил. Сегодня 9 Мая. – Александр Иванович постучал кончиком ножа по фляжке, которую только что отстегнул от пояса. – Мужики, тише, поэты тишину любят!

У Царёва что-то трепыхнулось под левой подмышкой: читать или не читать; а вдруг обидятся... Но тут кивнула Женя: «Давай, Лёшенька!» Жена сидела, сцепив руки на круглой горке живота, и Алексей понял: всё, что он сейчас скажет, услышит и их дитя.

Я зять безногого солдата. Он человек лишь до колен. А ниже – дерево и вата. Иль что там выдают взамен?

Сапёр. В войну на минном поле Чуть-чуть ошибся он – и вот С той нестерпимо страшной болью Уже который год живёт.

Вот он (ему б сидеть на месте) Идёт, протезами скрипя. Но я-то вижу: трудно тестю Держать с достоинством себя.

Давным-давно он с поля боя, Давно, казалось бы, привык. Но я-то вижу: тестю больно, И больно так, что в сердце крик.

Я вместе с ним переживаю Всё то, что сам он гонит прочь. А как помочь ему, не знаю, Хоть очень хочется помочь!

Как зять безногого солдата И как участник той войны, Я говорю: да будет свято Вовеки царство тишины!

глаза. – Что ты молчишь? А я понял: талант, брат, у тебя зять, талант! И на войне был не зря! Иван Максимович, сглотнув комок и прокашлявшись, виновато по-

- Максимыч, ты всё понял? - Сухарев глядел на Кириенкова, тот тёр

- просил: - Сынок, а ещё разок можно?
  - Алексей кивнул, хотя у него тоже першило в горле.
- Погоди, капитан. Дай-ка я тебя поцелую, а потом всем из этой посудины плесну, дырка-дыркой, а всё ж таки до половины я её наполнять смогу. - Александр Иванович расплескал по стопкам водку из симоновской фляжки. - А теперь её будешь наполнять ты! Дарю! - Сухарев обнял Царёва. - Давай, читай по новой.

И зависла среди белого дня тишь, да такая, что стал уловим даже шорох прикосновения к траве приземляющихся яблоневых лепестков. Потом кто-то кашлянул, и тут Сухарев зааплодировал. Все спохватились и тоже захлопали: двурукие – в обе ладони, однорукие – ложками по краю столешницы.

Алексей поднял стакашек:

- Спасибо! С Днём Победы! - И по периметру пошёл, с каждым чокнулся, а Евгению поцеловал.

Пастух Левшунов крякнул:

- Водка, она только с виду горькая. На самом деле сладкая.

Женя тоже захотела сделать глоток влаги, от которой у мужиков так засветились глаза и разгладились шрамы и морщины, но тут в чреве кто-то два раза толкнул её ножкой: - Нельзя, нельзя! - Женя засмеялась и чмокнула мужа.

Вскочил Лукаш:

- «Артиллеристы»!
- Отбой! тут же встал Сухарев. Давайте-ка отложим «Артиллеристов» до следующего застолья. - И процитировал две строчки стихотворения: «Я говорю: да будет свято Вовеки царство тишины!» А вот чайку выпить в самый раз будет!

Лукаш бросился на веранду, где подходил самовар.

- Петро, ты куда с одной рукой? Это же самовар, а не твоя шустрая Лушка, его не обнимешь!

Мгновенно спас обескураженного Лукаша Алексей:

- Мы с Петром Егоровичем самовар одолеем в три руки! Я помогу... Женя вынесла коробку с чайным сервизом. Его подарили Царёвым на

свадьбу члены литобъединения, но кто ж на свадьбе пьёт чай! А вот на День Победы о голубых чашках вспомнили... И сильней, намного сильней заклубились лепестки одувана: чайный аромат и жгучий пар из медного душника так ударили снизу в крону, что жена попросила Алексея оттащить самовар на более удалённый от ствола яблони край.

Поняв, что пришёл его черёд для тоста, встал Иван Максимович: - Тяжело жить, а хочется. А будет легче? Будет. Не нам - нашим детям и внукам. Мы же ради них все эти переправы, начиная с Днепра и заканчивая Эльбой, прошли. Ну, а сегодня мне, скажу как на духу, жить по новой захотелось – надо дождаться, когда товарищ, что во-о-от там у Жени спрятан, сам стишок мне прочитает «Я – ВНУК безногого солдата!» Как Алексей прочитал!

Царёв взглянул на Женю – она горделиво и мечтательно улыбнулась ему, и Алексей ринулся к Ивану Максимовичу. Зазвенели гранёные стаканы, зять и тесть крепко-крепко обнялись.

Эпилог

В один из декабрьских вечеров 2014 года, отмеченных не нарастающей морозной страстью зимы, а муторной слякотью умирающей осени, ветерану Великой Отечественной войны Алексею Дмитриевичу Царёву стало не просто плохо, а хреново, даже, мягко говоря, очень хреново. Сердце уже месяц вело себя, честно сказать, корявенько, однако старик никому не жаловался, а глотал, в большем, правда, чем всегда, количестве, пилюли – и терпел. Жаловаться Царёв привычки не имел, наоборот, всю послевоенную жизнь проработав в газете, он сам помогал жалобщикам, а науке себя превозмогать Алексей выучился ещё на фронте. К примеру, однажды он часов пять пролежал в снегу на морозе, корректируя огонь миномётного дивизиона, - и ничего: морально-волевые качества не подвели, а обморожение оказалось, слава Богу, минимальным. Но одно дело терпеть, когда тебе девятнадцать и сердце живёт боем, и другое – когда тебе под девяносто и обороты движка затухают, блекнут и вот-вот куда-то исчезнут, как случается это в конце мая с сизой яблоневой дымкой...

Сын Олег, Олег Алексеевич Царёв, приехал, как всегда, поздно. Будучи главой администрации Соловьёвского района, сегодня он заседал в областном центре в оргкомитете по подготовке празднования 70-летия Великой Победы, часть вопросов, в том числе и по созданию мемориала на переправе (точнее, уже по его финансированию), перенесли на следующий день, можно было бы остаться переночевать в городе-герое (у дочери, завуча гимназии, там трёхкомнатная квартира), однако в голове сидело: «Батя дома один!» – и Олег вернулся в Соловьёво. Полтора года назад ушла из жизни мать, Евгения Ивановна, её сожрал рак, который зародился под шрамом на ладони, когда-то расшараханной немецким осколком, и Алексей Дмитриевич сказал тогда: «Женечка, дай срок, вот 70-летие Победы встречу – и сразу к тебе. Потерпи, пожалуйста».

Царёв младший, зная про настрой отца и веря, что эта доминанта держит его в тонусе и поможет Алексею Дмитриевичу жить, чтоб дождаться светлого юбилея, отодвигал порой на второй-третий план злые текущие дела по районным коммунхозу и агропрому и плотно работал в областном центре и столице - на Соловьёвой переправе необходимо было создать мемориал памяти ста тысяч красноармейцев и командиров, павших здесь во имя спасения Москвы в сорок первом и Победы над врагом в сорок пятом! Такую задачу Олег поставил перед собой ещё три года назад и сообщил об этом отцу, однако чиновный клан держал оборону: негромкий, но такой стратегический подвиг Соловьёвой переправы в начале войны почти ничего не значил для имеющих доступ к казне столоначальников. Изучая историю Родины по выхолощенным в мутные девяностые годы учебникам и потому зная её по верхам, они кривили физиономии: ну что такое это Соловьёво, вот Сталинград, Севастополь, Курская дуга – это да, они всему миру известны, есть, в конце концов, федеральный комплекс памяти на Поклонной горе, так что деньги сегодня надо тратить на другое! Олег, выросший на рассказах ветеранов, устоявших на колыхающихся брёвнах переправ, наведённых на кровавых реках войны, по наущению деда избравший стезю офицера-пограничника, служивший в конце восьмидесятых начальником заставы, в трудную минуту такого непонимания взрывался и начинал читать в высоких кабинетах «Переправу» Александра Твардовского:

И столбом поставил воду Вдруг снаряд. Понтоны – в ряд. Густо было там народу – Наших стриженых ребят... И увиделось впервые, Не забудется оно: Люди тёплые, живые Шли на дно, на дно, на дно...

Это ведь написано о смоленских, прежде всего, событиях, о неизвестных героях, которые никогда так и не станут известными! А известные – однорукие Лукаш и пастух Левшунов, ослепший Степан Ильич Егоренков, безногий мастер по изготовлению подков счастья Кузнецов, дорогой дедушка Иван Максимович Кириенков, все другие боевые товарищи деда и отца – их тоже уже нет на белом свете... Стихи читать и при их помощи, в случае чего, убеждать в своей правоте людей, не понимающих душу русского человека-патриота, Олега, кстати, научил Иван Максимович, а не поэт-газетчик папка. Бывало, дедушка говаривал: «Давай, Олежка, давай. Но только – ударно. Ударно!» Отцовское «Я зять безногого солдата» звучало в раннем детстве, в школьные годы пришли Симонов, Наровчатов, Орлов и, конечно, Александр Трифоно-

А последний раз Олег читал «Внука-зятя» Ивану Максимовичу в апреле семьдесят седьмого, когда перед тем, как отбыть на заставу, приехал домой – показаться в лейтенантских погонах. Дед позвал его с собой в березняк собрать там в алюминиевую сорокалитровую баклагу капающий в подвешенные к деревьям банки сок и, когда выбрались на жёлтую от пожухшей прошлогодней травы опушку рощи, сказал: «Отдохнём, товарищ лейтенант…» Олег сбросил бидон, развернул плечи.

- Давай, Олег Алексеевич...
- Ударно?

вич Твардовский.

– Душевно. Не нарушая тишины.

Иван Максимович присел на ствол поваленной не пережившей зимы старой ивы, снял кепку. Солнце струило сквозь голые сучья крайней берёзы ласковое тепло, лучи подняли на голове дедушки седой пух – и жёсткое лицо его вдруг стало почти юным. Золотистый нимб, неяркие, но внимательные глаза, руки, лежащие на коленях –

…да будет свято Вовеки царство тишины.

Олег произнёс последние слова почти шёпотом, не напрягая голосовых связок, но нёбо стало шершавым, и он отщипнул с ещё живой ветки ивы похожую на шмеля ароматную почку, попробовал пожевать. А дед шевельнул ладонью, лежащей на колене протезной ноги: «А теперь – про «стриженых ребят»...

Переправа, переправа! Берег правый, как стена... Этой ночи след кровавый В море вынесла волна.

Во имя памяти тех «стриженых ребят» и во имя увидевших свет Победы и поднявших её флаг над Берлином деда и его славных друзей, отца, каждый новый год живущего ожиданием только 9 Мая, надо, надо создать мемориал!

И лёд непонимания треснул, а потом и тронулся. После обращения Царёва в администрацию Президента в Соловьёво приехал губернатор, ножками прошёлся по берегам Днепра, уставленным серыми обелисками, взглянул на скромный постамент, где застыли реактивные миномёты «катюши», защищавшие переправу, побывал в двух музеях, деревенском и районном, – и проникся: «Надо зажигать Вечный огонь!»

Кардинальное решение наконец-то было принято, и завтра, после второго заседания оргкомитета, должны были завертеться и маховики механизма, обязывающего изыскателей, проектировщиков, художников, строителей, газовиков и прочих специалистов приняться за реализацию сооружения памятника героям Соловьёвой переправы.

После кончины Ивана Максимовича прошло тридцать семь лет, и Олег, придвинув стул к изголовью отцовского дивана, решил, что рассказ о том походе за берёзовым соком с дедом, дождавшимся тогда праздника Победы, хоть немного утишит страдания Алексея Дмитриевича в этот поздний вечер. Однако Царёв старший, только что согласившийся выпить чаю, вдруг прохрипел «Скорую!» и потерял сознание.

Через считанные минуты у тела отца суетилась хрупкая женщинаврач. Ольга Владимировна проверяла пульс на сонных артериях, поднимала веки, изучая зрачки, и, готовясь сделать укол, изрекла:

- Спасти Алексея Дмитриевича можете только вы, Олег Алексеевич! В районной больнице у нас нет нужного оборудования, до областной довезти не успеем. Вы сильный, делайте сердечно-лёгочную реанимацию!

- Закрытый массаж сердца?
- Да! Давите на грудину. Ритмично двигайте её к позвоночнику. Да надавливайте же, что вы медлите, вы же офицер!

Слово «офицер» стегануло, обязывая вспомнить практические занятия на манекенах: седой военврач, лекарь, которого между собой они называли Белокурым, твердил им, легкомысленным курсантам: «Вы будущие командиры! Так учитесь не только командовать людьми, но и спасать их. Нет боя – есть ЧП всякие, нет раны – есть аффиксия, аритмия, за сердце надо бороться всегда! Дышите рот в рот, в вашем выдохе – шестнадцать процентов кислорода. Живительного в эту секунду кислорода!

Ольга Владимировна с удовлетворением наблюдала: глава района – профессиональный спасатель, методичен и неутомим. Но насколько его хватит, вон рубашку уже можно выжимать!

- В крайнем случае ударьте кулаком в грудную клетку изо всех сил, ударьте так, как будто это враг! - вспомнил Олег ещё одну рекомендацию Белокурого. Взглянул на докторшу:
  - Бить?
  - Бейте, выдохнула врач.
- Прости, папа! Три удара, которые нанёс сын по костяку обмякшего тела, сокрушили бы медведя! Последний удар оказался, судя по хрусту сломанного ребра, наиболее сильным.

Ольга Владимировна, испугавшись, схватила Олега за руку: «Остановитесь!»

- Доктор, я не в аффекте, не бойтесь. Послушайте сердце!

Чудо? Да, чудо: сердце трепыхалось, пусть слабенько, но сигнал по-

дало: хочу жить... хочу жить... хочу жить! Ага, ещё рот в рот - кислород, рот в рот - кислород, и Алексей Дмитриевич открыл глаза.

Спасён! Едва заметная улыбка тронула лицо больного, он что-то прошептал.

Врач нагнулась к нему, потом подняла глаза на Олега:

Не пойму... что-то такое про ноги...

Олег почти прикоснулся щекой к губам отца. И услышал:

- Я зять безногого солдата...
- А я внук! Давай-ка выздоравливать Вечный огонь на Соловьёвой переправе зажигать вам, товарищ фронтовик! Считайте, что это боевой приказ Ивана Максимовича.
- Выполню! негромко, но чётко сказал Алексей Дмитриевич. Такая боевая задача моему сердцу по силам.

В повести использован сокращённый текст стихотворения смоленского поэта Алексея Бодрянкова «Я зять безногого солдата».